

Кабанова Лилия Ивановна

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье представлены наиболее общие вопросы феноменологического анализа проблем языка и коммуникации в современной культуре. Автор обращается к феноменологической концепции Э. Гуссерля и к исследованиям Р. Ингардена и М. Мерло-Понти, которые применили феноменологический метод для интерпретации текстов современной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 80-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК (091)130.2

В статье представлены наиболее общие вопросы феноменологического анализа проблем языка и коммуникации в современной культуре. Автор обращается к феноменологической концепции Э. Гуссерля и к исследованиям Р. Ингардена и М. Мерло-Понти, которые применили феноменологический метод для интерпретации текстов современной культуры.

Ключевые слова и фразы: феноменология; интенциональность; редукция; язык; коммуникация; «одинокая ментальная жизнь»; смысл; произведение; картина.

Лилия Ивановна Кабанова, к. филос. н.

Кафедра философии

Петрозаводский государственный университет

Lila31@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ[©]

Целью данной статьи является рассмотрение наиболее общих проблем языка и коммуникации в призме феноменологического метода. Связано это не только с тем обстоятельством, что проблемы языка и коммуникации стали ведущими в пространстве современной философии и культуры, но, скорее, с желанием открыть для себя, возможно, новую грань постижения того, что является привычным. Ведь язык и коммуникация – самое «подручное» из всех способов понимания мира.

Феноменологическое понимание коммуникации основывается на идее глобальной включенности человека в систему культуры посредством феномена языка. Язык в феноменологии – не просто система знаков, «наброшенная на наше поле восприятия, деятельности, жизни» [7, с. 380], но это, прежде всего, интенциональная и означающая деятельность субъекта, направленная на восприятие и порождение значений, посредством говорения либо посредством создания текстов. Преломление мысли о языке в феноменологии осуществляется через смыслопорождающие акты субъекта. Основной особенностью феноменологического подхода к феномену языка является парадоксальным образом структурированное сопротивление «искушению языком». Это сопротивление может выражаться в виде отстранения от заданных терминологических и теоретических конструкций, возникающих по причине привычки или автоматизма мышления. С точки зрения преодоления привычки и навыков автоматического мышления феноменология означает не что иное, как открытие топоса человеческой свободы, понимаемой в значении свободы мысли. Свобода мысли – это свобода от предпосылок, от уже прочерченных линий восприятия, памяти, воображения, оценок. Термин «феноменологическая редукция» является определяющим в деле освобождения от предпосылок для феноменолога. Появился этот термин в лекциях Гуссерля в 1907 году. В дальнейшем Гуссерль пытался прояснить его с помощью различных метафор: «заключение в скобки», выключение, воздержание от суждения. Смысл феноменологической редукции состоит в необходимости совершения акта отстранения от обыденной установки, в основе которой вера в неизблемость каузальной связи между миром и собственным «Я», а также от всех заранее принятых толкований мира. Однако величайший урок редукции заключается в невозможности полной редукции, поскольку мы пребываем в мире, в определенном временном потоке. Наши размышления всегда оказываются лишь частью временного потока, и мы, пытаясь ухватить этот временной поток в целом, всегда терпим неудачу. Описание различных видов «включенности» сознания и мышления в жизненный мир становится возможным только благодаря некому отстранению. Другим, не менее важным, понятием в феноменологии, имеющим самое непосредственное отношение к проблеме коммуникации, является понятие интенциональности. Интенциональность – это способность сознания быть направленным на какой-либо объект, делать его своим содержанием. Характерной особенностью этой концепции является специфическая теория интенциональных объектов, которые могут быть не реальными физическими объектами, а воображаемыми или иллюзорными. Важно прояснить понятие интенциональных состояний. Интенциональными состояниями являются такие ментальные акты, в которых проявляется характер отношения субъекта к объекту.

Исследования Гуссерля затрагивают вопросы, связанные с феноменом «Я» в его сопряженности с миром «Другого» в практике коммуникативного опыта. Он обращается к проблеме внутреннего монолога, понимаемого в качестве акта некоммуникативного по преимуществу. Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль открывает знак как двойственную структуру, способную стать выражением или указанием. Выражение, или «знак, насыщенный значением» [3, с. 41], в отличие от указания, по мнению Гуссерля, может осуществляться только во внутренней речи, в самонаправленности. Следовательно, любой коммуникативный акт обладает исключительно указательной функцией и не несет в себе никакого значения как отношения к идеальному объекту. Рассматривая проблему выражения в коммуникативной функции, Гуссерль вводит различие между выражениями в коммуникативной функции, где они играют роль указаний, и выражениями в «одинокой ментальной жизни». «Одинокая ментальная жизнь» рассматривается Гуссерлем как особая область, в которой продуцируются смыслы. Выражения функционируют только с полнотой значений именно в одинокой ментальной жизни, где они больше не служат для указания на что бы то ни было. «Существование (Dasein) знака, – пишет Гуссерль, – не

мотивирует существование или, точнее, нашу убежденность в существовании значения. То, что должно служить нам в качестве указания (отметки), должно быть нами воспринято как существующее. Это касается и выражений в коммуникативной речи, но не в монологической речи» [Там же, с. 46]. Увидеть смысл и содержание актов коммуникации с точки зрения «Я» как субъекта является особой чертой современной культуры. Феноменологические исследования Гуссерля, и в частности его «Картезианские размышления», в самом общем виде затрагивают проблему коммуникации, исходя из двух сфер. Во-первых, это сфера собственных составляющих «Я», а во-вторых, это сфера «Другого», то есть сфера intersubjectивных связей. «Я» – всегда опыт раскрытия в экспликации, в продолжении, в «артикулированном синтетическом продвижении» [2, с. 201]. Гуссерль пишет о «бесконечном потоке переживаний» [Там же, с. 202] как очевидности трансцендентального самоистолкования. «Я» существует в качестве некой «монады» наряду с монадическим многообразием «других вообще»: «Конституируется в конечном счете некое сообщество монад, а именно как такое сообщество, которое конституирует один и тот же мир» [Там же, с. 201]. Сообщество, о котором пишет Гуссерль, предполагает наличие таких актов, которые связывают между собой монады intersubjectивного мира, благодаря чему устанавливается многообразная личностная коммуникация между людьми. Intersubjectивность как гармония монад, живая воплощенность «Другого», форма со-присутствия, но одновременно и онтологическая разъятость, отдаленность, торжество указательного знака над знаком выражения во всякой форме общения; непонимание, крушение надежд на коммуникативность и возможность быть понятым, случиться в опыте другого. Тем не менее сообщество остается сообществом, не только миром людей и вещей, но и миром культуры, миром взаимного бытия. В таком сообществе «Другой» – не просто возможная «информационная машина», «но захватывающие меня и захватываемые мной “другие”, вместе с которыми я осваиваю единое и единственное, действительное и наличное Бытие» [6, с. 11].

Феноменологическое правило свободы – «вернуться к самим вещам», означающее отстранение от формообразующей деятельности рассудка, от естественной установки восприятия мира, роднит феноменологический метод со способами понимания и постижения мира в современном искусстве. Феноменологический метод Гуссерля был применен такими исследователями как Р. Ингарден и М. Мерло-Понти для описания особенностей языка и возможностей понимания его в современном искусстве. Р. Ингарден, описывая условия осуществления коммуникации в современном искусстве, основывается на выводах Гуссерля о многослойности произведения искусства. Напомним, что эти идеи были высказаны Гуссерлем в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Там он пишет о наличии в картине ряда ступеней – суть различно устроенных представлений, восприятий, то есть ряда вложенностей, или «модификаций». «Модификации представлений, – пишет Гуссерль, – доступны для образования все новых и новых ступеней, так что даже и интенциональности в нозисе и нозме постепенно надстраиваются друг над другом или вставляются друг в друга» [1, с. 225]. Ингарден задается вопросом о том, что стоит за самой «картиной» как неким материальным артефактом – реальная вещь, холст с нанесенными на него красками или нечто большее. По мнению Ингардена, картина как предмет нашего «осмотра» и особенно нашего эстетического восприятия не идентична этой реальной вещи, висящей на стене, так что можно выделить два основополагающих слоя произведения, не сводимых друг к другу. Это полотно-изображение и собственно «картина» Полотно-изображение образует физическую основу произведения, «картина же в существе своем является чисто интенциональным предметом, который свою бытийную основу имеет, с одной стороны, в реальном полотне – изображении, а опосредованно – в творческой деятельности художника, а с другой, в зрителе, а именно в его перцептивной способности» [4, с. 352]. Ингарден оставляет за зрителем свободу интерпретации, или, как он пишет, право конституирования предмета. Свободное конституирование предметов в наибольшей степени относится к импрессионистской, кубистской и абстрактной живописи. Это связано с тем, что картина импрессионистского или абстрактного типа соответствует совершенно иному способу наблюдения и понимания мира, чем способ наблюдения, отвечающий картине реалистического типа. Различие в способе реконструирования видов, по мнению Ингардена, сказывается на типе формирования мира, изображенного в картине. Пространство импрессионистской и абстрактной живописи «сродни пространству, создаваемому воображением» [Там же, с. 326]. Ингарден задается вопросом о том, присущи ли картинам, созданным воображением, метафизические качества, понимая под метафизическими качествами некие психические состояния, специфическую атмосферу, сопутствующую определенным событиям или ситуациям. Некоторые картины вполне могут удовлетворить в человеке жажду метафизического из-за наличия в них особых качеств, близких для реципиента. Главный вывод Ингардена заключается в том, что «одновременно картина бытийно зависима и бытийно производна как от творческих процессов автора, так и от переживаний зрителя» [Там же, с. 382-383]. Особенно в случае с современным искусством. Зритель здесь, по мнению Ингардена, не столько зритель, сколько поэт: «Здесь картина занимает место как бы на границе между живописью и литературой, выводит зрителя за пределы самой картины, вводя его в область предметов воображаемых и давая ему значительную свободу фантазии» [Там же, с. 374].

Французский феноменолог М. Мерло-Понти, проявляя большой интерес к пространству современного искусства, полагает, что данная область наиболее пластична для подкрепления выводов экзистенциальной феноменологии. Живопись пробуждает своего рода безумие, или исступление, заключенное в самой природе видения, поскольку «видеть означает обладать на расстоянии, а живопись распространяет это странное обладание на все аспекты Бытия» [6, с. 19]. Мерло-Понти возражает против пассивного восприятия произведения, представленного зрителю в качестве музейного экспоната. Музей создает ложное чувство того, что мы постигаем нечто общее в произведениях. В последующем это ложное чувство ложится в основу нашего понимания живописи. Но живопись всякий раз обновляется в работах каждого конкретного художника. Она не длится – от одного произведения к другому. Музей лишает произведение случайности, в условиях которой родилось произведение, «убивает идущий от картины порыв» [5, с. 70], лишает возможности непосредственного понимания. Мерло-Понти, опираясь на противопоставление языка и речи, воспроизводит эту дихотомию в виде оппозиции между выговаривающейся

речью и выговоренной речью. Парадокс речи выговаривающейся заключается в том, что она никогда не окончена, но всегда начинается заново, удерживая в состоянии коммуникативности и диалога. Направленность на диалог заключается в потребности передать тончайшие черты своего неповторимого видения мира.

Итак, феноменологическое понимание коммуникации основывается на идее глобальной включенности человека в систему культуры посредством феномена языка. Феноменологический подход актуализирует принцип признания автономности и независимости пространства «одиноким ментальной жизни» автора и его творчества. Тем самым феноменологический подход выявляет топологию устремленности современной культуры к выражению внутреннего, смыслового измерения.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998. 315 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования / пер. с нем. В. И. Молчанова // Гуссерль Э. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 2 (1). 470 с.
4. Ингарден Р. О структуре картины // Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 2000. С. 274-403.
5. Мерло-Понти М. Косвенный язык и голоса безмолвия // Мерло-Понти М. Знаки / пер. с франц. М.: Искусство, 2001. С. 44-94.
6. Мерло-Понти М. Око и дух / пер. с франц. М.: Искусство, 1992.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.

PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF LANGUAGE AND COMMUNICATION PROBLEMS IN MODERN CULTURE

Liliya Ivanovna Kabanova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Petrozavodsk State University
Lila31@yandex.ru

The author presents the most common questions of the phenomenological analysis of language and communication problems in modern culture and refers to Ed. Husserl's phenomenological conception and R. Ingarden and M. Merleau-Ponty's researches who applied phenomenological method to modern culture texts interpretation.

Key words and phrases: phenomenology; intentionality; reduction; language; communication; "lonely mental life"; meaning; piece of work; painting.

УДК 353-027.45(470+571)

В статье рассматриваются проблемы формирования стратегии региональной безопасности России в русле обеспечения общенациональной безопасности государства, а также основные подходы к пониманию феномена региональной безопасности с учетом специфики политико-территориальной организации Российской Федерации. Предлагается стратегия формирования системы безопасности российских регионов с учетом экономических, экологических, правовых, геополитических и иных условий.

Ключевые слова и фразы: национальная безопасность; региональные приоритеты; региональная политика; индикатор безопасности; взаимоотношения центра и субъектов федерации; социально-экономическое развитие регионов.

Марина Николаевна Казакова, к. полит. н., доцент
Кафедра всеобщей истории и мирового политического процесса
Мордовский государственный университет
mnkazakova@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ[©]

Статья подготовлена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)». Проект 2.1.3/1134 «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)».

В Российской Федерации становление теории национальной безопасности началось с начала 1990-х гг. Впервые фундаментальный подход к последующему пониманию национальной безопасности и наполнению